

Полковник Гуров

Николай Леонов

Афера

«Научная книга»

Леонов Н. И.

Афера / Н. И. Леонов — «Научная книга», — (Полковник
Гуров)

© Леонов Н. И.
© Научная книга

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Николай Леонов, Алексей Макеев

Афера

Глава 1

В этом баре Копылов никогда раньше не был и сегодня попал сюда, можно сказать, случайно. Теперь он тщательно избегал мест, которые охотно посещал раньше. Совсем отказаться от привычного образа жизни он не мог, да пока и не собирался, но некоторые меры безопасности принять не мешало.

Из тех же соображений он выбрал столик в дальнем конце зала – там, где было потемнее и побезлюднее. «Тут будет уютнее, – сказал он Альбине. – Ты же любишь уют?» Самому ему здесь не нравилось. И запах в зале был какой-то противный.

Альбина любила уют. И еще она любила пиво. Пришлось и сейчас заказать ей порцию. Но Копылов не был бы собой, если бы не заметил при этом с легкой досадой:

– Терпеть не могу, когда девки пиво сосут! Пена на усах и вообще... Между прочим, у тебя тоже вид дурацкий, не радуйся!

– Ну-у, Владик! Я так люблю пиво! – капризно надув губки, возразила Альбина. – Сейчас его все пьют. Чего тут особенного? Пиво классное... Это же не из бочки на углу, не из грязной кружки, а в приличном баре...

– Вот в этом я не так уж уверен... Да черт с тобой! – буркнул Копылов, быстро пробегая взглядом по полутемному залу. – Надувайся, если тебе так уж хочется!.. Тогда, друг, ты принеси нам один «Хейнекен», что ли, и одну текилу, – приказал он подошедшему официанту. – И пачку «Парламента». Пока все.

Официант, жилистый рыжеватый парень, поиграл желваками, поскольку замечание клиента о неуверенности в категории заведения задело его профессиональную гордость, но ничего не сказал: Копылов держался уверенно, одет был в дорогие шмотки, и его круглая розовая физиономия была официанту откуда-то смутно знакома. Одним словом, связываться с таким не стоило. Он молча ушел за напитками.

– Ты вообще в порядке? – с любопытством поинтересовалась Альбина, большими веселыми глазами рассматривая хмурого Копылова. – Злишься, дергаешься, все время бежишь куда-то... У тебя проблемы или, может быть, я тебе уже надоела?

Копылов скривился, будто раскусил трухлявый орех.

– Что ты гонишь? – с досадой сказал он. – Какие проблемы? У меня одна проблема – твое «ля-ля». Ты помолчать хоть минуту можешь?

– Вот интересно! Я откуда знаю, что нужно молчать? До сих пор тебя вроде мои разговоры не напрягали?

– У меня голова болит, – соврал Копылов. – А бабские разговоры кого угодно достанут. Даже самого терпеливого.

– Чего я такого особенного сказала? – удивилась Альбина. – Нормальные разговоры. По делу. Я же вижу, что ты сам не свой последнее время. Никуда не ходишь, и дозвониться до тебя нет никакой возможности.

– Значит, так надо! – начал злиться Копылов. – Не суй свой нос куда не надо. Я тебе кто – муж? Вот и не суй!

– Да больно мне нужен такой муж! – снова надула губы Альбина. – Ты мне нравился, потому что с тобой прикольно было, весело... Я думала, ты вообще по жизни такой.

– Я такой, – буркнул Копылов. – Но у каждого бывают моменты, когда не до веселья. Подумать надо, и вообще...

Официант принес заказ, и Копылов с большим удовлетворением убедился, что Альбина занялась пивом, на какое-то время прекратив беседу. Копылов сунул официанту деньги.

– Держи! Мы здесь не задержимся. Чем вообще тут у вас так пахнет?

– Ничем у нас тут не пахнет! – высокомерно сказал рыжий официант. – Мерещится вам.

– Ну-ну! – Копылов нетерпеливо махнул рукой. Его мысли уже были далеко.

Он только собирался с толком и расстановкой выпить, как вдруг увидел застывшего у входа человека. Копылов тоже замер, открыв рот.

Видеть он раньше этого человека не мог, но обратил на него внимание сразу. Приземистый, неряшливо одетый, он выглядел здесь совершенным чужаком. Копылов не мог толком объяснить, что это значит, но про себя он сразу же окрестил этого человека – «конкретный». Он не за выпивкой и не за развлечениями сюда притащился – по необходимости. Он искал кого-то. Конкретно искал. Для того и высматривал по темным углам. Но пока не находил. Просто не дошел еще его взгляд до столика, где горбился Копылов, прятался непроизвольно за шуплой фигуркой Альбины.

Копылов быстро опрокинул стаканчик с текилой и даже не почувствовал вкуса.

Но с какой стати его будут искать здесь – полчаса назад он и сам еще не знал, что забредет в бар с пресным названием «Престиж». Откуда же?

Задав себе этот вопрос, Копылов тут же едва не хлопнул себя ладонью по лбу. Как это откуда? Да там же у входа стоит его машина – сиреневая «Лада» последней модели. Машину купил отец – в подарок, почему-то решив таким странным образом привить у сына вкус к патриотизму. Любой «Фольксваген» устроил бы Копылова-младшего куда больше, но с отцом в таких случаях спорить было бесполезно. Если уж он решал проявить патриотизм, то проявлял его, как говорится, до упора.

Но теперь суть была не в марке машины, а в ее номерном знаке. Если кто-то плотно взялся искать Копылова, то уж номером машины он наверняка заинтересовался. Вот и вся разгадка.

Но если это ошибка, то он будет выглядеть глупо. Даже в глазах Альбины. Нужно устроить маленькую проверочку.

– Я сейчас! – наскоро бросил Копылов, боком выскользнул из-за стола и, будто невзначай прикрываясь за спешащим куда-то официантом, скрылся в боковом коридорчике, где располагались туалеты.

К сожалению, в самих кабинках не было никаких окон, и выглянуть на улицу у Копылова не получилось. Но зато, когда он вернулся в бар, неопрятный тип уже исчез. Копылов, не привлекая внимания Альбины, бочком пробрался к выходу, высунул нос наружу и тут же отпрянул, точно ошпаренный.

Здесь уже не могло быть никакой ошибки. Приземистый неприятный тип, а с ним еще один, одетый не по сезону в жеваный серый плащ, внимательно и, даже можно сказать, увлеченно рассматривали номерной знак на сиреневой «Ладе» Копылова. Они были похожи на индейских разведчиков, обнаруживших след антилопы на горной тропе. Тропа была узкая, а возвращаться антилопе больше было некуда. Оставалось только дожидаться ее.

Копылову не улыбалось выступать в качестве «ужина», даже в переносном смысле. Да и не такой уж он был переносный, этот смысл. Кому-то очень хотелось посчитаться с Копыловым, и настроен он был очень серьезно. Это настроение Копылов почувствовал еще неделю назад, выходя из хорошего ресторана, где отмечал успешное завершение своей невинной аферы. С ним были друзья – Толик Савенко, который ничего не знал и так ничего и не понял, Артем Парфенов, который знал все, и еще три красотки, которых они сняли на вечер, собираясь хорошенько повеселиться.

Из-за баб все и получилось. Как водится, эти чертовы блондинки застряли где-то, выходя из ресторана, – то ли побежали пудрить носы, то ли еще что-то, – Толик с Артемом закружились возле них, и Копылов вывалился на улицу в одиночестве. Собственно, это его даже устраивало:

нужно было присмотреться, не крутятся ли возле стоянки менты – это место было все равно что медом намазано. Народ рвался за руль после любой дозы. Только успевай карман подставлять.

Копылов не собирался лезть на рожон. Если менты караулят – он заплатит им не торгуясь. Если отлучились – Копылов потихоньку отъедет, и все дела. Такой был план.

Но сразу за дверями его скрутили двое и поволокли куда-то. Мужики были здоровые, но слишком понадеялись на свою силушку. Копылов был пьяный-пьяный, а среагировал мгновенно. Он такие истории знал хорошо. Людей похищали даже среди бела дня – ради выкупа, за долги, да мало ли какие могли быть причины. Даже по ошибке могли прихватить. И возвращались потом далеко не все. Так что сопли жевать в таких случаях не стоило.

Копылов укусил одного из похитителей за руку, пнул другого ботинком в голень и заорал как резаный.

Он сам удивился, насколько эффективной оказалась его система. Поднялась суматоха. Мужики на какое-то мгновение растерялись, а укушенный вообще выпустил Копылова из рук. Из ресторана выскочили Толик с Артемом. В скверике нарисовался мент с рацией, а откуда-то – должно быть, из метро – вдруг повалил возбужденный принаряженный народ. Драка возле ресторана привлекла внимание. Приободренный Копылов тут же удвоил усилия и сумел вырваться.

Правда, врезали ему при этом чувствительно – на некоторое время он потерял ориентацию и, что называется, искал пятый угол, тычась носом в какие-то смутные фигуры и холодные стены. А потом очнулся и стал слышать и видеть как-то особенно резко, точно находился в огромном пустом кинозале. И в этот самый момент прямо перед его носом, как на киноэкране, тормознула большая черная машина, и вынырнувшая из окошка кукушкой голова проскрипела ненавидящим простуженным баритоном:

– Я тебя все равно достану, гнида! Не надейся!..

Видимо, надеяться не следовало на благополучный исход конфликта. Но фразы голова не договорила, скрылась в салоне, и машина умчалась в сияющий огнями город. Копылов успел рассмотреть ее так хорошо, будто голова лежала перед ним на блюде.

Это был мужик лет сорока пяти, с квадратной челюстью и недоверчивыми жадными глазками. Типичный жлоб, но жлоб, сумевший кое-чего в этой жизни добиться. Это и по тону было слышно, и по машине видно – все-таки «Мерседес» как-никак, хоть и не с московскими номерами.

И то, что этот жлоб с таким усердием принялся за поиски Копылова, тоже говорило в его пользу – привык человек добиваться поставленной цели, даже если смысла в этом было немного. Хотя, возможно, ему-то смысл был хорошо известен. Вот Копылову вся эта возня казалась полным абсурдом. Он точно знал, что ни в чем не провинился перед жлобом, и вообще все это просто чудовищное нагромождение несуразностей и ошибок. Рано или поздно это должен был сообразить даже такой тупарь, как провинциальный жлоб на «Мерседесе», но до тех пор Копылову приходилось отсиживаться в тени. Пожаловаться было некому и опереться не на кого. Друзья были заняты своими делами, батя тем более, а Копылов ждал, когда ситуация разрешится сама собой, и не появлялся в обычных местах. Жизнь стала скучноватой. Зато у него появилось время хорошенько обо всем поразмыслить. Нужно было понять, как жить дальше – в изменившихся обстоятельствах.

А началось все полтора-два месяца назад. Тогда тоже все было форс-мажорно. Но тогда он был кругом сам виноват – кивать не на кого. Спасибо, вовремя Артем Парфенов подвернулся, подсказал выход.

Но если по порядку, то вначале был серьезный разговор с батей. Тот уже испытывал дискомфорт, занимаясь только бизнесом. Возраст подталкивал его прикоснуться к рулю государства. Короче говоря, нацелился батя занять место депутата в Думе. Но прежде ему очень хотелось наставить на путь истинный свое не слишком разумное дитя, коим считался Владислав

Копылов в свои неполные двадцать восемь лет. Бате хотелось безупречной репутации и крепких тылов.

А Владислав Копылов за надежной отцовской спиной не слишком торопился обустроиться в этом мире, жил в свое удовольствие, ничем вплотную не занимался. Редкие попытки чем-то заняться: музыкой, бизнесом, конторской работой – заканчивались пшиком. Не лучше обстояло дело с учебой. В какой-то момент Копылов возжелал учиться на кинорежиссера и даже, используя отцовские связи, поступил в институт, но продержался там всего два года и без сожаления бросил.

Одним словом, Копылов Сергей Иванович наконец потребовал от своего отпрыска конкретных действий. Разговор был недолгим, но торжественным. Владислав был вызван на ковер в рабочий кабинет Сергея Ивановича. Беседовали с глазу на глаз.

Сергей Иванович был крупнее сына, выше и вообще доминировал. К этой мысли Владислав привык с детства и спорить никогда не пытался. Да и Сергей Иванович вряд ли это позволил бы даже родному сыну.

– Тебе не надоело собакам хвосты крутить? – начал он с места в карьер. – Не надоело куском дерьма в проруби плавать? Ты извини, что я так грубо, но это ради твоего же блага. Ты все же не мальчик уже – нужно и о судьбе подумать, о роли личности в истории, так сказать... Неужели тебя ничего не привлекает? Должно же существовать дело, где ты мог бы приложить свои силы. Не может такого быть, чтобы потомок Копыловых оказался пустым прожигателем жизни! Я в это не верю! Или будешь сидеть на моей шее до пенсии?

Владислав пробурчал что-то вроде «куском хлеба попрекаешь», но этот маневр не прошел.

– У меня шея железная – выдержит! – не без гордости заявил отец. – Дюжину таких, как ты, выдержит. Дело-то не в этом. Каждый человек должен осознать, в чем его предназначение на этом свете, завоевать свое место под солнцем. Это закон природы.

Когда отец начинал говорить о законах природы, о месте под солнцем, о естественном отборе, о праве сильного, спорить с ним становилось опасно – сгоряча он мог и приложить с разворота, а кулаки у него были тяжелые, как гири. Владислав решил не усугублять и сдаться красиво, тем более что примерно представлял себе, что его ждет. Отец даст ему ссуду и потребует от него отдачи. Не так уж плохо, учитывая тяжелый характер и железную волю Сергея Ивановича Копылова, известного не только в стране, но и в Европе кинопродюсера, удачливого бизнесмена и перспективного в будущем политика. Он мог предложить и более жесткий вариант. Например, настоять на том, чтобы Владислав пошел работать на стройку. Или на ферму. В гневе он бывал совершенно неадекватен.

Чтобы не осложнять, Владислав признался, что его мысли в последнее время сильно занимает проблема качественной интернет-связи и ему представляется крайне интересным и перспективным решить эту проблему в отдельно взятой Москве, а возможно, чем черт не шутит, и в размерах целой страны.

На самом деле Владислав Интернетом интересовался умеренно, а вспомнил про него случайно, потому что буквально накануне присутствовал при разговоре двух хороших знакомых, которые как раз этим делом интересовались. Они увлеченно обсуждали перспективы новых телекоммуникационных технологий, в частности PLC-технологии, и Владислав невольно запомнил кое-что из их разговора. Теперь это пригодилось. Его осведомленность явно пришлась отцу по душе.

– За чем же дело стало? – снисходительно обронил он. – Дело стоящее. Если за него как следует взяться... В общем, сделаем так. Я через несколько дней уезжаю в Голландию недели на три. Перед отъездом согласен дать тебе кредит тысяч на сто – сто пятьдесят. Для начала хватит. Арендуй помещение, найди помощников потолковее, свяжись с поставщиками и дерзай! К моему приезду развернешься – глядишь, и возврата кредита не потребую!..

Он посмеялся, чрезвычайно довольный тем, что дело наконец-то сдвинулось с мертвой точки. Владислав тоже был доволен. Кредит, обещанный отцом, прибавлял оптимизма. С деньгами он сумеет имитировать кипучую деятельность, и какое-то время отец будет счастлив.

Так примерно и вышло бы, если бы в первый же вечер после отъезда отца Владислава не занесло в казино. Он иногда поигрывал, и это ему нравилось. При отсутствии сильных раздражителей азарт, охватывающий его возле зеленого стола, был очень кстати. Назвать себя завзятым игроком он, однако, не мог. Зависимости от игры Владислав не испытывал. Тем более неожиданным было для него то обстоятельство, что в тот же самый вечер он проиграл в рулетку половину суммы, которую ссудил ему отец. Никакой речи об учреждении новой фирмы, о размере уставного капитала, о налаживании поставок теперь и быть не могло. По сути дела, Владислав оказался по уши в дерьме. Хорошо еще, что успел остановиться и кое-какие деньги у него все-таки остались. Впрочем, сообразил он это не сразу. В тот момент у него вообще будто все отключилось.

Он очнулся на широкой лестнице казино, ступени которой были покрыты мягким зеленым ковром. Уцепившись за резные перила, Владислав распустил душащий его галстук и мутным взглядом посмотрел вокруг. Приглушенные огни расплывались в его глазах. Белые рубашки мужчин, вечерние платья женщин – все сливалось в одно мерцающее тревожное пятно. Кровь бурно пульсировала в сосудах, сдавливая горло, не позволяя дышать. В общем, было исключительно плохо.

Владислав не нашел ничего лучшего, как спуститься в бар и заказать двойную порцию своей любимой текилы. Экзотическая водка взбодрила его, привела в чувство, но одновременно заставила осознать с полной ясностью, в каком безвыходном положении он оказался. Таких вещей отец не прощал. Он был достаточно терпелив, но, когда терпение истощалось, гнев его мог быть беспределен. Сергей Иванович не различал тогда ни своих, ни чужих. Страшно было подумать, какое наказание он мог назначить проштрафившемуся отпрыску.

Наверное, все это было написано на лице Копылова, потому что в баре на него сразу обратили внимание.

– Ба! Сколько лет, сколько зим! – заорал вдруг кто-то у него над ухом, да еще и хлопнул что было сил по плечу.

У Копылова и без того все переворачивалось внутри, а такое вторжение в его частную жизнь вообще едва не свело с ума. Но в конечном счете все обернулось в его пользу, потому что это оказался его старый знакомец – Артем Парфенов, с которым они лет пять назад познакомились на какой-то тусовке и довольно крепко сдружились. Потом Артем пристроился в только что народившийся гламурный журнал (он был журналистом) и пропал. Разда Копылов читал его иллюстрированные репортажи. Один был про любителей горнолыжного спорта, весело и с пользой проводивших время в альпийских склонах, другой – с тайландского курорта. Суматошная была жизнь у дружка, на месте он не сидел.

И вот теперь неожиданно нарисовался в казино в центре Москвы, веселый, загорелый, довольный и любопытный, как все журналисты. В считанные минуты он вытянул из Копылова всю его печальную историю и посоветовал не падать духом.

– Тебе хорошо говорить, – уныло протянул Копылов. – А меня батя убьет. Ты его знаешь. Он у меня пассионарный. И весу в нем сто десять килограммов. А азартные игры он вообще не переваривает. И черт меня дернул сюда зайти! Главное, вообще ни разу банк не сорвал...

– Да-а, батя у тебя суровый! – согласился Артем, задумался на минуту, а потом спросил: – И много ты проиграл?

– Ровно половину! – вздохнул Копылов. – Он мне дал кредит, чтобы я дело свое открыл, а теперь какое же дело? Теперь только ларек около метро открывать, с презервативами...

– погоди! – сказал Артем. – Подумаем, как тебе помочь. Дело, говоришь, свое открыть? Это не проблема. Пришла мне тут мыслишка в голову. Только один вопрос: отец тебя в этом плане плотно контролирует? В бухгалтерские книги заглядывает?

– Да у него своих дел по горло, – махнул рукой Копылов. – Только словам он не поверит. Ему нужно будет все равно что-то показывать. Помещения, вывеску, печать, наконец!..

– Покажем! – обнадежил Артем. – Все покажем. Есть один вариант. Только придется заплатить. А потом придется все свернуть, конечно. Ну так в Москве каждый день несколько десятков предприятий прогорает. Это, так сказать, дело житейское. У тебя как батя к тому отнесется, что ты через месяц прогоришь?

– Да как отнесется? Уж не похвалит, это точно! – ответил воспрянувший духом Копылов. – Но по крайней мере не убьет, как за казино. Это ты верно сказал – дело житейское. Деловой хватки у меня нет, по большому счету. Отец это в душе понимает. Так что, в принципе, это выход – то, что ты предлагаешь. Хороший выход. Только как все это оформить?

– Есть одна контора, – многообещающе сказал Артем. – Слушай меня внимательно...

Он все объяснил Копылову. Тот пришел в восторг. Впереди и в самом деле что-то забрезжило. На радостях он заказал лучшего коньяку, они выпили и поехали в контору, про которую говорил Артем. Называлась она загадочно – «Альфа-Рековер», но средства для решения проблемы предлагала реальные и понятные. Пришлось, правда, заплатить, но в пределах разумного, и у Копылова даже еще осталось.

Потом все закрутилось, завертелось, как по мановению волшебной палочки, и к приезду отца у Копылова было собственное «дело» – арендованное помещение, печать, сотрудники, бухгалтерские книги и даже собственный кабинет с факсом и телефоном. Через месяц это великолепие растаяло как дым, отцу было сказано, что его сын не справился с конкуренцией, и все было бы в ажуре, если бы не та странная встреча.

Копылов не очень вникал, что происходит в его «фирме»: там постоянно шло какое-то движение. Стучали по клавиатуре компьютера девушки, звонили телефоны, кто-то заполнял какие-то книги – расход-приход, приходили и уходили какие-то люди. Копылова все это совершенно не касалось. Он философски ждал, когда «Альфа-Рековер» отработает выплаченные ей деньги.

Но того жлоба он по случайности запомнил. Они столкнулись на пороге конторы, и улыбчивый прилизанный человек в сером обвисшем костюме представил его хмурому недоверчивому битюгу с лицом, похожим на растрескавшийся серый булыжник.

– А это наш шеф! – с энтузиазмом сообщил прилизанный. – Господин Копылов. Мозг и двигатель процесса.

И весь разговор. Копылов подал крепкую руку типу с лицом, похожим на булыжник, выдал дежурную улыбку и тут же обо всем забыл. Откровенно говоря, он полагал, что оба эти артиста тоже были имитацией.

Так он полагал до той самой минуты, как они с Артемом и Толиком Савенко отправились в ресторан отмечать окончание «операции». Здесь-то жлоб с серым лицом напомнил о себе. Оказалось, что он вполне настоящий и таковым же считает Копылова. Мало того, он при этом еще и полагал, что Копылов в чем-то перед ним виноват, а это уже вообще ни в какие рамки не лезло. А хуже всего было то, что Копылову категорически нельзя было поднимать шум. Батя всю готовился вступить на политическое поприще. С одной стороны, это было очень кстати, потому что ему стало совершенно не до непутевого сына. Но с другой стороны, малейший скандал мог повлечь за собой скандал еще более страшный, совершенно губительный для Владислава. Оставалось терпеливо ждать и бояться.

Копылов был не настолько глуп, чтобы изображать из себя героя. Момент был для этого слишком неподходящий. «Жлоб» явно заблуждался, но в рамках своего заблуждения действовал вполне профессионально и уверенно. Он был намерен разобраться с Копыловым, не глядя

ни на какие препоны, и подставляться было опасно. Разумнее было отложить все амбиции на более поздний срок.

Все эти соображения промелькнули в голове Копылова, пока он стоял в вестибюле бара, прижавшись мокрой спиной к стене возле входной двери. Он все еще был в порядке, и враги пока не достали его, но сколько такое относительное благополучие могло продолжаться, не сказал бы ни один экстрасенс на всем постсоветском пространстве. Положение было сложным как никогда, потому что машину его блокировали и за входом в бар следили, – оставалось только уходить черным ходом, оборвать все контакты и вообще больше не высовывать носа на улицу.

Копылов понимал, что по автомобильному номеру у «жлоба» есть возможность вычислить его домашний адрес, но это как раз было не страшно. Он вполне мог пожить пока у родственников. Даже, например, уехать к дядьке под Саратов. И вокзал тут как раз близко. Дядька у него оригинал – ругает на все корки Москву, ненавидит демократов и капиталистов, но тем не менее взял себе ферму и ковыряется теперь в земле – выращивает свиней и телят, картошку сажает. С братом у него отношения натянутые, но племянника он звал в гости неоднократно. Владислава не слишком прельщали сельские радости, но, кажется, теперь момент наступил и для них. У дядьки его в жизни не найдут. Но пока нужно решить проблему сегодняшнего дня – выйти из этой забегаловки живым и здоровым.

Копылов вернулся в бар и остановил спешащего куда-то официанта.

– Слышь, командир! У вас тут выход запасной имеется? Проблемы тут у меня... – Он выразительным жестом полез в карман за бумажником.

Официант понимающе хмыкнул и как бы невзначай бросил взгляд в ту сторону, где за столиком с выражением легкого недоумения на лице сидела Альбина. Она не замечала перемещений Копылова и, видимо, гадала, куда он мог пропасть. Она вообще была не слишком наблюдательна, эта Альбина.

– Нет-нет, она тут ни при чем! – быстро сказал Копылов, чтобы развеять подозрения официанта. – В принципе, можешь потом ей сказать, что мне пришлось срочно уйти. Мол, извинился и ушел. У меня тут другие дела.

– Понятно, – кивнул официант и протянул руку за купюрой. – Пойдемте, я вам покажу выход.

Глава 2

Полковник Гуров, запыхавшись, вошел в большой зал и невольно зажмурился. По какой-то причине коридор, по которому он только что шел сюда, был едва освещен, и после этого полумрака сияние множества люстр в зале ослепляло. Возможно, это было сделано намеренно – как-никак организовывали сегодняшнюю встречу люди искусства, волшебники кинематографа, мастера визуальных эффектов, знающие, как овладеть вниманием публики. А возможно, все дело было в простом разгильдяйстве, и в коридоре просто забыли вернуть перегоревшие лампочки. Гурова сейчас не очень волновала эта проблема. Куда больше переживал он из-за опоздания. Он обещал жене прийти на презентацию вовремя, но закрутился и опоздал на час. Теперь ему предстояло оправдываться и выслушивать справедливые упреки – занятие для мужчины трудно выносимое.

Он прошелся взглядом по переполненному залу. Официальная часть явно уже закончилась, и это грело душу. Присутствующих было более чем достаточно, и никто не торопился расходиться. Возможно, это отчасти объяснялось изобилием на накрытых столах в соседнем помещении. Вся тусовка собиралась вот-вот туда отправиться, и Гуров понял, что опоздай он еще на пять минут – и все было бы кончено.

«Может, хоть перехвачу чего-нибудь, – мелькнула в голове мысль. – Если подумать, так я практически с утра ничего не ел. Точно не ел! Так что этот фуршет очень кстати. Но где же Мария?»

На него никто не обращал внимания, и это обстоятельство начинало беспокоить Гурова.

«Смешнее всего, если она решила покинуть собрание, не дожидаясь меня, – подумал он. – А такое вполне возможно, учитывая опоздание. Тогда что я здесь делаю?»

По большому счету, делать здесь Гурову без жены было совершенно нечего. Происходящее его нисколько не волновало. Кинопродюсер Копылов, весьма известный не только в узких кругах человек, устраивал презентацию своей книги – что-то вроде ранних мемуаров, – пригласив на это мероприятие массу народа, в основном имеющего отношение к искусству. Подоплека этой акции была Гурову также известна. Копылов рвался в политику, и эта презентация была как бы первым звеном в цепи предвыборных мероприятий. Для начала Копылов взялся за тех, кого знал как облупленных, – за деятелей культуры. Он пригласил сюда режиссеров, критиков, актеров и продюсеров. Гуров, мент, мог попасть сюда лишь по одной причине – его женой была известная актриса Мария Строева, и она, конечно же, была здесь. Правда, Гуров подозревал, что Копылов не будет возражать против увеличения своей аудитории даже за счет работников милиции. Вот только все его агитационные речи Гуров пропустил.

Это было бы еще ничего, но Гуров был не прочь подзакусить, а выходило так, что вместо этого ему предстояло отправляться на поиски жены. Для начала следовало связаться с ней по мобильному, и Гуров вознамерился вернуться в коридор, где было спокойно и тихо, но как раз в этот момент увидел, что Мария сама идет к нему через расступающуюся толпу, а рядом с ней уверенно и властно шагает устроитель вечера Сергей Копылов собственной персоной.

«Кажется, мне везет, – приободрился Гуров. – Мария улыбается, и шанс на легкий ужин опять появился. Может быть, даже и опоздания моего никто не заметил?»

Последнее заблуждение было тут же развеяно Марией, которая, обернувшись к своему спутнику, сказала со вздохом:

– Разрешите представить вам моего мужа – Гуров Лев Иванович! Полковник милиции, но при этом совершенно неорганизованный человек. Как вы заметили, он запросто может опоздать на час, и это еще цветочки! Признаться, я вообще уже не ждала его сегодня...

– Прости, дорогая! – с раскаянием в голосе сказал Гуров. – Дела задержали. Как раз под вечер нарисовалась одна проблема... Впрочем, потом это обсудим, да?

Он энергично пожал протянутую руку Копылова и заметил:

– Можете не представляться. Вы человек известный, Сергей Иванович, личность для нашего кинематографа знаковая. Рад очному знакомству.

– Я тоже рад! – заявил Копылов, по-дружески придержав Гурова за локоть. – Вы удивитесь, но я про вас тоже много слышал. Ваша профессия не предполагает широкой публичности, но тем не менее. Вы ведь в Главном управлении МВД работаете?

– Так точно, – ответил Гуров. – Старшим оперуполномоченным по особо важным делам.

– А скажите... – доверительно понизил голос Копылов, увлекая Гурова в сторонку. – А можно считать особо важным дело...

Он не успел задать свой вопрос, потому что откуда-то вывернулся чрезвычайно озабоченный человек в костюме в полосочку, извинился и принялся что-то нашептывать продюсеру на ухо. Крупному Копылову пришлось наклониться к нему, чтобы предоставить свое ухо в его распоряжение. Поневоле ему пришлось выпустить Гурова из своих объятий.

– Извините, – сказал он заговорщицким тоном. – Мы обязательно закончим этот разговор.

Гуров пожал плечами. Он уже привык, что люди искусства живо интересуются подробностями ментовской жизни, – временами казалось, что все современное искусство на них построено. Но он был рад тому, что так быстро освободился от настойчивого продюсера. Ему хотелось отдохнуть. И еще – есть.

– Ну, Гуров, ты артист! – негодуяше прошептала Мария, взяв Гурова под руку. – Из всех собравшихся ты самый что ни на есть артист! Уж сегодня-то я рассчитывала на тебя!

– И все-таки я здесь! – шутливо заметил Гуров, вертя головой. – Надеюсь, ты не очень скучала. Здесь столько интересных людей – не мне чета. Но что же насчет банкета? Признаться, я страшно проголодался. Сегодня весь день какой-то суматошный...

– Стоило бы тебя прямо сейчас увести отсюда! – сказала Мария. – Но я буду снисходительна. Утоли свой голод. А кроме того, у меня на тебя виды. Ты должен оказать мне небольшую услугу.

– В самом деле? Тебе я готов оказывать услуги большие и каждый день, – ответил Гуров.

– Это не только мне услуга, – пояснила Мария. – Это еще и Копылову услуга. Не знаю, каким он будет депутатом, но в качестве продюсера он весьма влиятелен. И твоей жене хотелось бы водить с ним дружбу, понимаешь?

– Ага, значит, насчет важного дела он заговорил не случайно! – сообразил Гуров. – Что у него стряслось?

– Я не знаю, он очень скрытен. Но намекал, что у него какие-то проблемы с сыном.

– Вот так попали! На ровном месте да мордой об асфальт! – невольно поморщился Гуров. – Знаю я этих сыновей киношников! Небось залетел с наркотиками?

– Понятия не имею! – пожала плечами Мария. – Пускай сам тебе расскажет. Но будь к нему внимателен, Гуров! Твоя жена – известная актриса, но весь успех в руках продюсеров – не забывай об этом.

– А конкретно что ты имеешь в виду? – заинтересованно спросил Гуров. Он почувствовал, что слова жены имеют не только абстрактное значение.

– Боюсь сглазить, – шепнула Мария, приблизившись к самому уху Гурова. – А еще больше боюсь чужого сглаза. В нашем кругу лучше не распространяться о своих планах. Слишком много завистников.

– Завистников везде хватает, – согласился Гуров. – И все-таки? Копылов приготовил тебе роль в новом фильме?

Мария изобразила на лице смятение и поспешно оглянулась по сторонам. Окружающие были заняты своими разговорами, но многие бросали любопытствующие взгляды на красивую

пару – темноволосую высокую женщину в вечернем платье и широкоплечего мужчину с седой на висках – частная жизнь Марии Строевой всегда возбуждала повышенный интерес.

– Возможно, – ответила наконец Мария и укоризненно посмотрела на мужа. – Но больше ни слова об этом!

Посмеиваясь, Гуров приложил палец к губам и заметил:

– Уважаю чужие суеверия! Но, может быть, тогда поговорим о бесплатном ужине? Или это тоже небезопасная тема?

И как бы отвечая на его вопрос, за его спиной тут же возникла величественная фигура устроителя вечера, и Копылов, приобняв обоих супругов за плечи, прогудел голосом радушного хозяина:

– А теперь хочу еще раз извиниться за эту невольную пробуксовку – дела, что поделаешь! Куда от них денешься? И прошу всех немножко к столу, хе-хе! Правда, говорят, что человек искусства должен быть голодным, но по себе знаю – иногда все-таки и он должен кушать! Дамы и господа, прошу!..

Следующие полчаса были посвящены, может быть, самому приятному компоненту всех подобных мероприятий – народ старательно поглощал расставленные на столах яства и обсуждал перспективы будущего кандидата в депутаты. Учитывая качество и количество продуктов, все сходились на том, что перспективы кандидата неплохие. Если кого у нас и не любят, так это откровенных жмотов, но Копылов в откровенном жмотстве замечен не был ни разу.

Надо было отдать ему должное и в вопросах деликатности. Судя по всему, продюсер сразу обратил внимание на особый интерес Гурова к накрытому столу и не стал его тревожить до тех пор, пока гость как следует не подкрепился. И только потом как бы невзначай оказался рядом с ним.

Впрочем, наблюдательный Гуров обратил внимание, что Копылов ни одной минуты времени не терял зря. Он постоянно с кем-нибудь общался, шутил, похлопывал собеседника по плечу и говорил, говорил, говорил...

«Нет, этому определенно быть депутатом, – решил про себя Гуров. – Язык подвешен, энергии хоть отбавляй, денег хватает. В такой благоприятной ситуации только проблемы с сыном могут оказаться препоной. Но и здесь предусмотрительный господин Копылов кое-что подготовил. Недаром он позвал на этот междусобойчик полковника Гурова! Но что же мог натворить продюсерский отпрыск? Что-то я не припоминаю, чтобы в милицеских сводках мелькала эта фамилия. Да и никаких особенных слухов по поводу личной жизни семьи Копыловых тоже не вспоминается. Значит, об отъявленном негодяе говорить не приходится. Молодой человек впервые оступился, попал в плохую компанию? Тут надо смотреть по обстоятельствам. Но лучше всего сразу предупредить Копылова, чтобы на многое не рассчитывал. Закон есть закон».

Однако Копылов не был простаком. Остановившись рядом с Гуровым, он повел речь совсем не о сыне. Он пожелал Гурову приятного аппетита, вслух позавидовал его семейному счастью, заодно выдав целый водопад комплиментов в отношении красоты и таланта Марии, тут же вставил небольшой спич относительно необыкновенной важности искусства и культуры в деле возрождения страны, похвалил милицию, которая вынуждена работать в чрезвычайно напряженной обстановке, практически на энтузиазме, и вообще показал себя тонким политиком и дипломатом. Так что, собственно, речь о его сыне первым завел сам Гуров, которому после сытного ужина вдруг захотелось поскорее попасть домой и завалиться на мягкий диван перед цветным телевизором.

– Жена говорит, что у вас какие-то проблемы? – без обиняков заявил Гуров. – Готов выслушать. Только сразу предупреждаю – со своей стороны гарантировать могу единственно совет. Прочие варианты не в моей компетенции.

– А я на большее и не претендую, – кивнул Копылов. – Я тут закрутился как каторжный. Из Голландии вот недавно вернулся – пробивал совместную постановку одного блокбастера. Думаете, это было просто? В Голландии нет кино, но там есть деньги. У нас есть кино, но мало денег. Но теперь, кажется, удалось привести в равновесие эти величины. Все сошлось, так сказать... Однако, повторяю, переговоры стоили мне половины здоровья... Теперь вот нужно запускать фильм в производство. Представляете себе, что это такое? А тут еще начался новый этап в моей жизни... Вы скажете: а кто тебя, друг, за руку тянул? Под ружьем тебя в политику гнали, что ли? И будете правы, конечно. Но на это я отвечу, что наступает однажды такой момент, когда ты уже не можешь смотреть спокойно на то, что творится вокруг, и понимаешь, что должен действовать, должен сделать выбор...

– Не надо меня агитировать, – попросил Гуров. – Давайте ближе к делу.

Копылов негромко, но густо рассмеялся и, обернувшись к Марии, сказал:

– Маша, золотко, как ты с этим справляешься? Твой супруг – железный человек, абсолютно цельная личность. Извини за такое неуклюжее сравнение, но двум медведям в одной берлоге не ужитья. Как вам-то это удается?

– Мы сбрасываем медвежьи шкуры, когда приходим домой, – объяснил Гуров.

Копылов захохотал теперь громко, давая понять, что оценил шутку в полной мере.

– Великолепно! – прогрохотал он. – А мне урок! Не ораторствуй наспех. Я сразу понял, что сравнение неудачное. Вы хорошо меня осадили! Но к делу так к делу!.. У меня еще мальчишка. Сын. Копылов-младший. Владислав – так его назвали. Это была идея жены. Я мыслил назвать его Дмитрием. Но теперь поздно об этом сожалеть...

Видимо, Копылов-старший придавал какое-то особенное значение магии имен, и имя Владислав в его классификации занимало какое-то сомнительное место. Гурова эта тема не интересовала, поэтому он пропустил сетования продюсера мимо ушей и резким тоном спросил:

– Что натворил? Ну, ваш сын – что он натворил? Давайте конкретно.

Копылов впервые за все это время посмотрел на Гурова несколько озадаченно.

– Натворил? Э-э-э... В каком смысле? – пробормотал он, а потом вдруг в глубочайшей досаде дернул себя за волосы. – Ну, конечно, я должен был сообразить, что вы подумаете именно в этом смысле... Нет-нет! Владислав ничего такого не натворил. Во всяком случае, ничего такого, чего бы я не знал. В сущности, мой сын – это большой ребенок, к сожалению. Ему скоро стукнет тридцать, но мне иногда кажется, что он все еще учится в начальной школе. Но винить некого: сам воспитал, не сумел дать правильного направления в жизни...

– Тогда о чем речь? – перебил его Гуров. – Мы воспитанием не занимаемся. Нас, извините, зовут на помощь, когда дерьмо приходится разгребать. Но если ваш сын ни в чем не виновен...

– Я вот не знаю, виновен он в чем-нибудь или нет, – нахмурился Копылов. – Вообще, это философский вопрос, согласитесь! В наше время он приобретает особенную окраску. Все перемешалось, все сместилось. То, что еще вчера считалось доблестью, сегодня не имеет никакой цены. То, что вчера расценивалось как преступление, сегодня обычное дело – экономика. Отсюда и путаница в определении вины. Разноголосица в правовых актах, невнятные законы, пресловутый лоббизм, наконец!..

Гуров почувствовал, что Копылов опять пытается произнести перед ним что-то вроде предвыборной речи, и остановил его:

– Законы – это ваша прерогатива, господин будущий депутат! Какие напишете, по таким и жить будем. А пока давайте придерживаться тех, которые уже существуют. Я человек не слишком замысловатый, – продолжил Гуров. – Не философ, прямо скажу! Предпочитаю голые факты и традиционную логику. В этом плане прошу меня и воспринимать.

– А я, думаете, Сенека? Иммануил Кант? – с досадой воскликнул Копылов. – Извините, батенька, рылом не вышел! А если говорю, что ничего о вине сыночка не знаю, то понимать это следует совершенно буквально. Понимать это следует так, что показаний на этот счет не имею.

– Вот я и говорю, о чем же у нас идет речь? – спокойно повторил Гуров. – Сын ничего не натворил, а совета у мента вы спрашиваете, да еще так долго ходите вокруг да около...

– Все! Критику принимаю! – Копылов вскинул вверх крупные ладони. – Дурная привычка к многословию. Своего рода болезнь людей искусства. Будем говорить как мужчины – короткими точными фразами... Одним словом, сынок мой куда-то исчез. Причем не могу даже точно сказать, когда это произошло и при каких обстоятельствах. Но примерно уже около недели я не могу никак с ним связаться. Он не отвечает на звонки, его не бывает дома ни днем, ни вечером... Я несколько успокоился, когда дал задание своим помощникам проверить все больницы и морги: ни там, ни там моего сына не обнаружено. Но ведь его и вообще нигде нет! Раньше хотя бы раз в неделю он обязательно давал о себе знать. Хотя бы для того, чтобы попросить денег. Что-то невероятное.

– Может быть, женщина? – подсказала Мария, которая с большим интересом прислушивалась к разговору.

– Женщин у этого поросенка, слава богу, хватает! – поморщился Копылов. – Я сам не ангел, но какие-то рамки нужны. Во-первых, семья – это святое...

– Ваш сын женат? – спросил Гуров.

– Да где там! – махнул рукой Копылов. – Их сейчас под венец и палкой не загонишь. Не желают брать на себя ни малейшей ответственности. Я купил ему квартиру в центре, я купил ему машину, я даю ему деньги – а больше ему, кажется, ничего и не нужно. Поколение «некст», одним словом! Продукт эпохи Макдоналдса и Билла Гейтса. Нет, ничего не хочу сказать, есть и среди молодых толковые ребята, но мой не из таковых.

– А чем он занимается? – задала вопрос Мария, слегка опередив Гурова, который также собирался прозондировать эту тему. – Не только же деньги у вас просит?

– Да практически... – махнул рукой Копылов. – Знаете, он у меня не отпетый негодяй, у него есть душа, он, наверное, в чем-то даже талантлив, но... Он даже пальцем не пошевелит, чтобы обнаружить у себя эти таланты! Вот такая печальная история! А если говорить конкретно, как того требует Лев Иванович, то ничем Копылов-младший не занимается. По крайней мере в настоящий момент. Взялся было тут за одно дело, да через месяц прогорел...

– Возможно, какие-то долги, нежелание выполнять обязательства? – пожал плечами Гуров. – Такое случается довольно часто. Что за дело? Торговля, финансовые операции? Или участие в кинобизнесе?

– Нет-нет, к своему бизнесу я его на пушечный выстрел не подпускаю! – заявил Копылов. – Я противник династий. Я ему сказал: вот тебе деньги на раскрутку – вставай на ноги самостоятельно. Пора перестать околачивать груши...

– Ага, денег вы ему все-таки дали! – обрадовалась Мария. – Вы его любите, Сергей Иванович! Сердце у вас болит за ребенка...

– Болит, да, – нехотя согласился Копылов. – Вот только не ребенок он, а мужик уже. Молодой мужик.

– Мужики тоже разные бывают, – заметила Мария. – Ну кто вам сказал, что ваш сын непременно должен быть бизнесменом?

– А он сам сказал, – проворчал Копылов. – Я его за язык не тянул. Сказал, что будет заниматься информационными технологиями. Плел что-то про Интернет из розетки. Вроде сейчас можно подключиться к Интернету через обыкновенную электрическую розетку. И никакие спутники не нужны. Ну что сказать? Сначала он зашевелился, это правда. Пока я в Голландии был, он здесь помещение снял, оборудование офисное поставил, сотрудников набрал... «Л-Интро» – фирма у него называлась. Я после приезда к нему заглядывал. Ну что? Работа кипит

– заявки, отчеты, командировки, приход-расход... Посетители толкуются – проспекты глянцевые, договора заключают. Ну, думаю, взялся наконец за ум наследник-то... Хотел еще сам ему заказ сделать на установку этого нового Интернета... Но потом все из головы вылетело, а еще через пару недель он заявляется и сообщает, что обанкротился. Счет в банке аннулировал, контору, естественно, освободил, сотрудников распустил, нереализованную продукцию в счет долгов пустил... Одним словом, прибыль ноль целых ноль десятых... Но что обиднее всего – у него в этот момент на лице такое облегчение было написано!.. Я только рукой махнул, честное слово! Горбатого, правильно говорят, могила исправит.

– Много денег ссудили сыну? – деловито поинтересовался Гуров и, выслушав ответ, покивал головой. – Солидно, солидно... Смею предположить, что в момент объяснения вы не только рукой махнули, а? Или уж так махнули... может быть, в этом причина, что сын теперь старательно избегает с вами встречи?

– Да нет же! – с искренней досадой воскликнул Копылов. – Мы договорились – только конкретные факты. Говорю, ничуть не кривя душой, – новость о неудаче Владислава я воспринял спокойно. Никаких скандалов на этой почве не могло быть. Собственно, я чего-то в этом роде ожидал. Ожидал, признаюсь вам, худшего – я боялся, что он спустит эти деньги на баб и рестораны, а так все-таки какой-то опыт... Может быть, вкус к собственному делу появится... Нет, никаких причин избегать меня у Владислава не было.

– Ну тогда не знаю, что вам и посоветовать, – задумчиво произнес Гуров. – Только одно простое и действенное средство. Если у вас имеются серьезные подозрения относительно сына, напишите заявление в отдел внутренних дел. По месту жительства сына или даже в свой собственный, неважно. Объясните все. Там примут меры.

– Давайте я вам напишу! – с энтузиазмом сказал Копылов. – Или еще лучше – примите к сведению мое устное заявление. Ну зачем мне светиться в каком-то отделе? Знаменитый Копылов – сейчас же пойдут слухи, то-се... Репортеры набегут. Давайте решим этот вопрос приватно. Вы возьмете на себя профессиональную сторону дела, а я оплачу все возможные расходы. Щедрой рукой. Насчет этого не сомневайтесь. Мария правильно выразилась – сердце у меня за поганца болит! Мать его рано покинула этот мир, и я не всегда умел передать ему в полной мере тепло... А проще говоря, не каждый раз доходили до него руки. Вот и мучаюсь теперь. Ну как, договорились?

Гуров избегал смотреть на жену. В ее больших темных глазах была мольба. Гуров боялся, что не выдержит этого жалобного взгляда. Все-таки Мария была незаурядной актрисой, это следовало признать. Но Гуров тоже был незаурядным.

– Знаете, – сказал он Копылову шутливо, пытаясь перевести разговор в соответствующее русло, – я вам сейчас одну умную вещь скажу, только вы не обижайтесь... Ваша щедрая рука меня как государственного человека не интересует. Это прошу учесть сразу. Вашему сыну и вам я сочувствую, но на поиски его я не отправлюсь, потому что занят сейчас более важными делами. Тут я тоже буду с вами совершенно откровенен. Однако, учитывая общественную значимость вашей личности, я дам команду навести справки. Если возникнет что-то настораживающее, я сразу же подключусь лично. Устраивает вас такой расклад?

– О большем я не мог и мечтать, – сказал Копылов, крепко пожимая Гурову руку. – Будем надеяться, что мой паршивец просто загулял. Но уж теперь ему это просто так не сойдет, это я вам обещаю!

Глава 3

Толик Савенко здорово припозднился сегодня. Лифт уже не работал, и на девятый свой этаж Толик поднимался с остановками, с неудовольствием размышляя над тем горьким фактом, что, почти разменяв тридцать лет, он продолжал жить в одной квартире с родителями. Служил Толик в банке, но на такой незначительной должности, что на отдельную квартиру накопить никак не получалось. К тому же в родительском доме были удобства, к которым он привык и расставаться с которыми категорически не хотел: чистая одежда, обед вовремя и все такое прочее. Это позволяло ему вести довольно независимую экономическую жизнь, то есть тратить свой заработок на развлечения. Толик полагал, что он еще не вышел из того возраста, когда человек должен прежде всего развлекаться. В зрелом возрасте будет не до развлечений – это он усвоил как «Отче наш».

Правда, эту его позицию родители скорее не разделяли, и обратной стороной благополучия было неизменное ворчание, которое ожидало Толика после каждого развлечения. Поздние возвращения, алкоголь, бессмысленная трата денег – все это ставилось Толику в вину.

Сегодня его наверняка ждало то же самое, и настроение у Толика портилось заранее с каждой лестничной ступенькой. Собственно, оно испортилось у него много раньше, потому что вечер на этот раз выдался совершенно никудышный. Собирались вместе с друзьями хорошенько оттянуться на дне рождения у какой-то блондинки. Пашка Волынцев обещал шикарную квартиру в Крылатском, кучу улетных подружек и полную свободу отношений, а в последний момент, когда они с Серегой и Витюшей, принаряженные и возбужденные, облизываясь, закупали горячее для вечеринки, вдруг позвонил и сбивающимся голосом понес какую-то ахи-нею насчет болезни именинницы, насчет срочной работы, которой его вдруг нагрузил на ночь шеф, и вообще повел себя некрасиво до предела. Они обругали его по телефону «пидором» и пообещали начистить рыло при личной встрече, а потом от разочарования отправились заливать горе в ближайшую пивную. Но пиво не лезло в глотку, разговор не получался, бабы отворачивались от них, как от чумных, – одним словом, вечер был потерян начисто. Тяжело нагрузившись пивом, они разошлись, еще раз пообещав друг другу разобраться с треплом по имени Пашка. А наутро Толику ни свет ни заря предстояло снова бежать в свой «любимый» банк, и радости эта мысль не добавляла.

У порога его, разумеется, встретила мать с укоризненным выражением в глазах. Правда, на этот раз Толик вовсе не был пьян – так, слегка, – и это смягчило родительские чувства. Можно сказать, что вместо шторма случилось едва заметное волнение, которое улеглось, не успев начаться.

Толик ужинать не хотел и намеревался сразу завалиться спать, но в этот момент зазвонил телефон в прихожей.

– Тебя, наверное, – объявила мать. – Тут тебе сынок этого знаменитого... Копылова названивал. Зачем-то ты ему понадобился. Наверное, опять он. А того не понимает, что на часах уже полночь и все нормальные люди спать ложатся...

– Да ладно тебе! – пробурчал Толик. – Не в деревне живем все-таки. Мегаполис, мать! Ночная жизнь, ничего не поделаешь. А чего он хотел – не сказал? Ну, ладно...

Он снял трубку и действительно услышал голос Владислава Копылова. Тот даже не поздоровался.

– Ты где шляешься? – с раздражением спросил он. – Я уже мозоль на пальце набил тебе звонить. Мобила твоя не отвечает...

– Я ее отключил, – хмуро объяснил Толик. – Отключил и оставил дома. А чего надо-то?

– Надо, – сказал Копылов. – Ты мне друг?

Толик на секунду задумался. Вообще-то, с одной стороны, было лестно числить в друзьях Копылова. Пускай не батю, а всего лишь сына, но все равно лестно. Но, с другой стороны, младший Копылов был человек шепутной и неавторитетный. От знакомства с ним зачастую случались неприятности. А уж если ему что-то было от тебя нужно, то неприятности случались обязательно. Поэтому Толик ответил осторожно:

– Друг, конечно... А чего случилось-то?

– Случилось! – буркнул Копылов. – Ты мою тачку знаешь?

– Ну!

– Короче, мне тут уехать надо срочно, врубаешься? А у тебя ведь машины нет. Вот и пользуйся пока. Телки знаешь как на автомобиль клюют?

– Не понял! – недоверчиво произнес Толик, нервно оглядываясь. – Куда уехать? И зачем мне твоя тачка? Ты на ней въехал куда-то? Чего это тебя на благотворительность потянуло?

– Чего ты паришься? – воскликнул в ответ Копылов. – Сразу – въехал! Никуда я не въехал! Просто уехать надо, а тебя как друга прошу присмотреть за машиной. Ты же всегда мечтал о машине!

– Ну да, мечтал. Но я об иномарке мечтал, – несколько разочарованно сказал Толик. – И потом, ты так говоришь, как будто ты мне ее даришь.

– Ну типа того, – сказал Копылов, тут же поправившись. – Катайся пока! Мне не жалко! Даже если поцарапаешь или стукнешь – я в претензии не буду. Чем тебе плохо – на машине-то?

– На машине хорошо, – мрачно сказал Толик. – Без машины плохо. Привыкать не хочу.

– Ладно, не парься! – уже в крайнем раздражении завопил Копылов. – Ты меня знаешь! Вернусь – договоримся. Все равно мне эта тачка не нравится. Я тебе ее за полцены отдам.

«Чего это он? – в усталой голове Толика зашевелились мысли. – Интересно заговорил! Тачка ему не нужна! За полцены отдаст... В чем тут фишка? Точно он на ней кого-то сбил! Только что толку теперь-то ее продавать? Или он от страха совсем головой тронулся? Ну, здесь тоже дураков нет!»

Купить машину за полцены было, однако, соблазнительно. На полцены Толик денег наскрести смог бы. Вот только состояние машины нужно проверить. После столкновения должны остаться следы. Толик был уже совершенно уверен, что Копылов совершил наезд на своей «Ладе». В принципе, это Толика не касалось – отвечать за чужие наезды он не собирался. Если оформить куплю-продажу как полагается, никаких претензий к нему быть не должно. Но если менты до нее доберутся, поездить ему все равно не удастся: машина будет постоянно на каких-нибудь экспертизах. Так что овчинка выделки не стоит. Так Толик и сказал Копылову.

– Какой наезд! – заорал тот. – Ты вообще ошизел, что ли?! Да я к ней сегодня, можно сказать, и не прикасался! Обстоятельства так сложились, понятно?!

Толик наморщил лоб, подумал и сказал:

– Ты, это... Колись, что за обстоятельства? Чувствую, подстава тут какая-то.

– Ну, хрен с тобой! – зло сказал в ответ Копылов. – Слушай сюда. Меня какой-то хрен пасет. Крутой мэн какой-то. Не знаю, что он против меня имеет, – скорее всего, ошибка, но пока разберешься... Короче, я на время уеду, а тачка около бара «Престиж» стоит. Они меня по тачке нашли, ясно? Пришлось ее бросить. А я уеду на неделю, на две – за это время с машиной чего угодно случиться может. Или угонят, или обдерут как липку. Так что лучше ты пользуйся!

– Та-а-ак! Ну, спасибо тебе! – ядовито произнес Толик. – Значит, точно подстава! Я за твоей тачкой приду, а меня там за глотку цоп! Спасибо, Владик!

– Да не гони ты! – с досадой сказал Копылов. – Ты-то кому нужен? Этот мэн крутой, но не дурак же! Объяснишь ему все. Скажешь – уехал, а куда – неизвестно. Да и не будет он круглыми сутками караулить машину. Сейчас, например, они все свалили, поняли, что я ушел. К утру подгребут, не раньше, я думаю... За это время десять раз машину увести можно...

– Если мне голову оторвут, машина мне уже не понадобится, – заявил Толик. – Разве что катафалк. Не, не пойду!

– Ну и дурак! Погонял бы пару недель в свое удовольствие!

– У меня и доверенности нет...

– Тебя учить, что ли? Я тебе права оставлю. В случае чего вложишь в права полтинник – и никаких проблем. Доверенность! Сейчас люди только наличным доверяют.

– А где права – в машине? – заинтересовался Толик.

– Нет, права вместе с ключами в ячейке камеры хранения на Павелецком вокзале, – быстро ответил Копылов. – Запоминай номер и шифр! А бар там через два квартала. Машина перед ним стоит. Ну, найдешь...

– Нет, не буду искать! – заявил решительно Толик. – Шкура дороже.

– Ну, твоя воля! – сердито бросил Копылов. – Больше я с тобой базарить не буду. У меня поезд скоро. Бывай!

– А... – начал было Толик, но в трубке уже вовсю раздавались короткие гудки.

Толик тяжело задумался, не выпуская из рук пищущей трубки. С одной стороны, связываться с таким геморроем ему категорически не хотелось. Но с другой стороны, покататься в свое удовольствие на чужой машине было очень заманчиво. В чем-чем, а в жмотстве Владика Копылова обвинить было сложно – он никогда не тянул с товарищей деньги. Папаша у него был богатый, и сам он не сказать, чтобы нуждался, а потому копеек не считал.

Но машина машиной, а «крутой мэн» – это серьезно. Если уж Копылов от него сбежал как заяц, то ему, Толику, нос совать в такие дела вообще глупо.

«А с другой стороны, какие ко мне могут быть претензии? – размышлял он. – Ну, дал он мне ключи от машины. Что из этого? Это же не означает, что он мне всю подноготную открыл – куда едет и чего. Да он и на самом деле не открыл. Все равно опасно, конечно, но, может, ночью они и правда не будут пасти тачку? Какой смысл, если хозяин сбежал? Он же не попрется ночью за тачкой. Он спать ляжет – сто пудов. И днем безопаснее. Бандиты это тоже должны понимать, не кретины же они, в самом деле? Значит, сейчас лучше всего машину и забрать. Зато завтра можно будет с утра прикатить в банк, демонстративно хлопнуть дверцей перед носом у этого кретина Волынцева – не «Мерседес», конечно, но все равно – вещь. Моральная, так сказать, компенсация за испорченный вечер».

Мозг Толика был расслаблен от пива, поэтому он старательно отбирал положительные стороны намечающегося мероприятия – о приятном мыслить всегда приятнее. Мысль о том, что машину Копылова с тем же успехом могут найти и возле банка, вообще не приходила ему в голову.

«Прямо сейчас нужно двигать, – прикинул он. – Пока суть да дело, а я тачку потихоньку домой отгоню. Ментов ночью мало – не поймают. А в крайнем случае полтинник в зубы суну. Зато завтра на своих колесах...»

Жажда деятельности охватила его. Расслабленности и апатии как не бывало. Но по пути к двери его перехватила мать, встревоженная, казавшаяся особенно бледной при электрическом свете.

– Ты куда?!

– Ненадолго, – буркнул он. – Ты спи, не парься. Меня тут кореш просил машину отогнать. Он накеросинился, понимаешь? А тачка в неудачном месте стоит. На штрафную попадет – потом не рассчитаешься.

– Да ты сам пьяный! – ахнула мать. – Куда ты пойдешь?

– Это кто, я пьяный? – высокомерно спросил Толик. – Ну ты, мать, даешь! Да я ни в одном глазу! Короче, пошел я, не задерживай. Быстрее уйду – быстрее приду.

Быстрее, однако, не получилось. Когда Толик добрался до Павелецкого вокзала, забрал в камере хранения ключи и нашел в прилегающем районе бар «Престиж», шел уже второй

час ночи. Бар работал до двух ночи, то есть время здесь было самое напряженное, и народ торопился ухватить последние крохи, а вернее сказать, капли счастья, до закрытия. Многие нервничали. У кого-то в самый нужный момент кончались деньги. То и дело дюжий вышибала выбрасывал кого-то на улицу, где бедолага немедленно попадал в поле зрения ночного патруля, который с превеликой бдительностью наблюдал здесь за порядком.

Увидев милиционерскую машину с синей полосой и троих подтянутых стражей порядка, Толик окончательно приободрился. Он убедился, что находится в безопасности. Бандиты теперь стали бесконечно наглыми, но в присутствии милиции ни один бандит на рожон все равно не полезет.

Еще несколько минут ушло на то, чтобы найти машину Копылова. Стояла она, как выяснилось, не около бара, а в стороне – на въезде в жилой двор, прижатая к стене многоэтажного дома. В подворотне было темно и тихо, как в могиле.

«Вот тепло! – подумал Толик, убедившись наконец, что «Лада» действительно та самая. – За километр поставил, а я ищи! Знал бы – хрен согласился! Хотя с другой стороны, это даже хорошо, что она не на виду. Кто знает, что может прийти ночью ментам в голову? У них одна забота – ошкурить как можно больше народу. Тут под горячую руку не попадайся. А мы потихоньку сейчас...»

Он сунул руку в карман, позвякал ключами, воровато оглянулся по сторонам и сунул ключ в скважину передней дверцы. Она открылась безо всякого усилия. Толик юркнул на место водителя в уютную, отделанную мягкой кожей раковину.

– Кайф! – сказал он вслух. – Колеса – это вечный кайф! Даже если это не иномарка...

– Будет тебе вечный кайф, фраер! – прозвучал у него за спиной насмешливый незнакомый голос. – И похороны по первому разряду. Все будет!

Толик окаменел и облился холодным потом. Он никак не мог себе представить, что в машине Копылова кто-то будет. Вот это сюрприз так сюрприз, с ужасом подумал он. Вот это подстава! Этого Владика просто удавить надо – пальцами, как гнусную тварь. «Это в какое же дерьмо он меня втравил? – с тоской подумал Толик. – Говорил, ничего опасного, сука!.. А я? Как дурак последний, купился!»

Однако сожалеть о прошлом было уже не конструктивно. Дрожащим голосом Толик произнес:

– Вы кто?! Как вы здесь оказались?

Но тут же его охватил еще больший ужас, потому что вместо ответа второй незнакомый голос заметил первому:

– Слушай, Клык, а ведь это не он! Это какой-то другой кент. Он нас чего, опять кинуть хочет?

– А ты думал, он к тебе сейчас с повинной придет? Как к прокурору? – засмеялся первый. – Ясное дело, он шестерку послал. Пожалел тачку! Я правильно сказал, что его здесь ждать надо. Ладно, некогда базары базарить. Я уже всю задницу отсидел. Слышь, поехали теперь! Только ты рули аккуратнее! А то с испугу в столб въедешь. Мы и так из-за тебя тут настрадались...

– Мужики! – сказал проникновенно Толик. – Это не из-за меня! Зуб даю! Я тут вообще ни при чем! Это не моя тачка, клянусь!

– А чья это тачка? – проскрипел голос за спиной. – Колись, щенок, чья тачка, а то я тебе сейчас так больно сделаю, что ты до самой смерти врать разучишься!

– Копылова тачка, – без колебаний ответил Толик. – Владика Копылова.

– Правильно! – удовлетворенно хмыкнул голос. – Ну, раз ты так хорошо в этом разбираешься, то поехали сейчас к твоему Владiku домой. Нам с ним перетереть кое-что надо.

– Не, я к нему не поеду! – заявил Толик. – Во-первых, бесполезно...

– Ну, это не тебе решать, сынок! – оборвал его тот, кого называли Клыком. – Заводи!

– Да говорю, бесполезно! – заторопился Толик. – Уехал он. Он потому и машину мне оставил, что уехал. Он предупредил, что вы его ловите, поэтому и свалил. Сказал, что вы люди с головой – должны понять, что я тут ни при чем.

– Ага! Даже так? – удивился Клык. – И куда же этот козел уехал?

– А он мне не сказал, – ответил Толик. – А я не спрашивал. Мне зачем? Лишняя головная боль.

– Ты, я смотрю, тоже с головой парень, – серьезно сказал Клык. – Только вот не подумал ты, что нас такая параша не устроит. Как хочешь, но нам ответ нужен – куда твой Владик свалил. И мы этот ответ получим – это уж не сомневайся.

Толик вторично облился холодным потом и замирающим голосом возразил:

– Да вы меня хоть убейте! Если я не знаю, куда он уехал, сказать я этого уже не смогу. Страна большая.

– Страна большая, – согласился бандит. – Но тут такое дело. Раз он тебе доверил тачку забрать, значит, кореша вы с ним. А раз кореша, значит, должен ты о его жизни знать многое. И вот все это ты нам расскажешь, а мы уж решим, где можно этого Владика искать. Понял теперь?

– Совсем не понял! – решительно заявил Толик. – Откуда я про его жизнь знаю? Мы с ним лет пять как на тусовке познакомились. Пиво вместе пили, с девками куролесили и все такое... А про жизнь мы с ним не разговаривали. Чего про нее разговаривать? У меня одна жизнь, у него – совсем другая... Про его жизнь – это вы у его бати спросите. Батя у него авторитетный...

Последнюю фразу Толик запустил намеренно – если уж имя Копылова-старшего не про изведет на бандитов никакого впечатления, то дела его действительно плохи и надеяться тут не на что, а надо пытаться при малейшей возможности бежать. Милиция рядом – неужели не помогут?

– Батя? Батя... Копылов... Тот самый, что ли? – заинтересованно спросил второй бандит. – Нет, в натуре, тот самый? Слышь, Клык, тот самый!

– А мне по хрену, кто у него батя! – равнодушно отозвался Клык. – Не про батю речь. А надо будет – и до бати доберемся.

– Насчет бати вы зря, – с мягким упреком заметил Толик. – Сергей Иванович Копылов – это имя. С ним свяжетесь – сами потом не рады будете.

– Ты еще поучи меня, щенок! – прикрикнул Клык. – И вообще, не о том сейчас речь. Не о бате. Про сынка говорим. И не с батей, а с тобой. И ты нам расскажешь все, что ты про своего дружка знаешь, это я тебе обещаю. Поехали!

Можно было сказать, что устная часть на этом закончилась. Вряд ли Клык и его напарник стали бы дальше выслушивать лепет, которым потчевал их Толик. Он понял это со всей отчетливостью. И еще он понял, что если не сообразит быстро, что делать, то банковская система лишится в эту ночь крайне необходимого звена, без которого не сможет нормально функционировать – разразится финансовый кризис, и пострадает все население. Этого Толик допустить никак не мог. За финансовую составляющую экономики он чувствовал личную ответственность.

– Ладно, поехали, – покорно сказал он, сам тем временем краешком глаза присматриваясь, что делается возле бара «Престиж» и где в этот момент дислоцируется машина с ментами. – Куда ехать?

– Пока прямо, – скупо ответил Клык. – Потом скажу.

– Куда здесь прямо? – обиженно спросил Толик. – На ту сторону, что ли?

– Ну, в смысле, направо и за угол, – не смутившись, уточнил Клык. – Не кумекаешь, что ли? И езжай аккуратнее – нам дорожные происшествия ни к чему.

«Как будто мысли мои читает! – сердито подумал Толик. – Вот гад! Ну, ладно, происшествие так происшествие...»

Он включил мотор, предусмотрительно бросил взгляд налево и направо, тронул рычаг скоростей, отпустил сцепление и надавил на педаль газа.

Клык, сидевший за его спиной, не мог видеть выражения лица Толика и вообще, видимо, был слишком уверен в магии собственной личности – самый важный момент он упустил.

Машина сорвалась с места и как бешеная помчалась совсем не в ту сторону, которую определил в качестве направления Клык. Она помчалась прямо на светящуюся в темноте вывеску бара.

– Ты что делаешь, сучок?! – заорал Клык, пытаясь перегнуться через сиденье и выхватить у Толика руль.

Толик скукожился, прильнув к баранке, и решил, что скорее умрет, чем позволит бандитам увезти его в неизвестном направлении. Он нечаянно надавил грудью на клаксон, и ночную тишину прорезал отчаянный противный гудок.

Дружок Клыка тоже решил принять участие в событиях и саданул Толика кулаком в ухо.

У того в голове словно бомба взорвалась, ослепив и оглушив его на несколько секунд. За эти мгновения автомобиль, потеряв управление, врезался боком в ограду сквера и по ходу дела выворотил из земли две или три чугунные стойки. При этом от его собственного правого крыла и правой передней дверцы полетели жестяные лохмотья. Треск ломающихся зеленых веток на этом фоне вообще казался легким эхом.

– Назад! – рявкнул Клык то ли на своего кореша, то ли на Толика, который, будто вдав в транс, жал на педаль газа. – Назад, сука! Стой! Убью!

Автомобиль расцепился наконец с чугунной оградкой, выскочил на асфальт, совершив сложный пируэт, и снова помчался к бару. Изуродованная правая дверца болталась на петлях, точно автомобиль приветливо помахивал зевакам, застывшим поблизости на тротуаре.

На такое родео обратили внимание не только зеваки, но и менты. Они мгновенно врубили мигалку, намереваясь броситься в погоню, и загрохотали через мегафон:

– Водитель «Лады» номер... немедленно остановиться!

Наверное, им хотелось размяться и немного погонять кровь. Но долгой погони не получилось. Толик, совершенно удовлетворенный тем, что попал в центр внимания, резко вывернул руль, и автомобиль на полном ходу врезался в фонарный столб напротив бара. Раздался лязг и грохот, посыпалось стекло. Толпа зевак шарахнулась в разные стороны. Милицейский автомобиль, только набравший скорость, с визгом затормозил. Из него выскочили двое, на бегу выхватывая пистолеты из кобур.

Толик был слегка оглушен ударом, но не стал дожидаться, пока кто-нибудь справится о его здоровье, вывалился на асфальт, вскочил и ударился в бег. Ему уже совсем расхотелось встречаться с милицейскими чинами. Главная цель была достигнута – бандиты его упустили. Теперь нужно было для полной гармонии удрать от ментов, и Толик решил приложить для этого все свои силы. Хотя он испытывал в каждой мышце своего тела странное оцепенение, которое удавалось преодолевать с большим трудом, тем не менее Толик заставил себя сделать это и помчался вперед как пуля.

Настоящие пули тоже не заставили себя ждать. За его спиной загрохотали крики и выстрелы. Как ни был Толик испуган, но ему хватило ума сообразить, что выстрелы пока что направлены в воздух, и он, заставляя себя не обращать на них внимание, припустил зигзагами, нырнул в первую попавшуюся темную подворотню и прорвался в пустой тихий двор, погруженный в полумрак.

Ему повезло. В тот момент, когда он улепетывал от милиции, из разбитой «Лады» стали по одному выползать Клык и его напарник. У Клыка было разбито лицо: он ударился о подголовник переднего сиденья, – а его приятель при столкновении повредил колено и теперь едва шевелился.

– Рвем когти, Треска! – скомандовал Клык, выскакивая из машины. – В темпе!

Но его дружок с рыбьей кличкой только шипел и сыпал ругательствами. Менты, увидев, что добыча сама идет в руки, устремились к машине. Клык махнул рукой и бросился к скверу. Милиционер выстрелил ему вслед, но попал в дорожный знак, болтавшийся над улицей. Тот ответил жалобным сковородочным звуком. Клык, не обращая на это внимания, сиганул через ограду сквера и пропал в зарослях. Милиционер вдруг остановился и задумчиво посмотрел ему вслед.

– Хрен с ним! Жрать захочет – сам придет, – не без юмора сказал он и, повернувшись, направился к ползающему около машины Треске.

Того уже взял на прицел второй патрульный. Треска все порывался встать, хватаясь за покореженные останки «Лады», но резкая боль в ноге снова и снова заставляла его присаживаться на асфальт. Особого страха в отношении стражей порядка он, однако, не выказал и на приказание встать и положить руки на капот ответил презрительным фырканьем.

– Ты совсем офонарел, начальник? – поинтересовался он безо всякого пиетета. – Как я тебе встану? Раком, что ли? Не видишь, что копыто у меня отстегнулось? И пушку свою убери подальше. Не ровен час, нажмешь не туда – потом всю жизнь не расплатишься.

– Ты мне поугрожай! – грозно сказал милиционер, однако пистолет при этом все-таки опустил. – Ты мне повystупай тут! Давно на нарах не валялся?

– Мне этого не надо – на нарах валяться, – сказал Треска. – Я человек положительный, семейный, документы все налицо. Можете проверить.

Оба милиционера в задумчивости переглянулись между собой. Такая уверенность совсем им не понравилась. Такую уверенность мог выказывать или человек ни в чем не виновный, или человек с немалыми связями. Первое еще можно было как-то пережить, но во втором случае могли нарисоваться неприятности, поэтому стражи порядка решили действовать твердо, но с оглядкой.

– Документы мы проверим, – сказал старший патруля. – В отделении. Ты хоть и семейный, но ночевать будешь сегодня в камере. А мы проверим, не в угоне ли эта машина, и почему ты в ней ехал, и почему твои дружки как тараканы разбежались.

– Ранен я, – хмуро сказал Треска. – Мне в больницу надо.

– Будет тебе и больница, – сказал патрульный. – И адвокат будет, и кофе с какавой. Давай документы!

Глава 4

Генерал Орлов, начальник Главного управления МВД, вызвал к себе на ковер Гурова и его напарника полковника Крячко, едва они только переступили порог своего кабинета. В этот момент будто фотоэлемент сработал, и телефон на служебном столе Гурова взорвался такой густой трелью, что даже мурашки по спине побежали. До официального начала рабочего времени оставалось еще десять минут, поэтому все это выглядело интригующе.

– Так точно! – сказал Гуров, выслушав распоряжение. – Уже мчимся. Аллюр три креста.

– Будет нам свежий душ! – предположил полковник Крячко, почесывая затылок. – С утра ведь именно такой душ рекомендуют, а, Лева? Логика подсказывает.

– Да вроде мы с тобой ничем не провинились, – усмехнулся краем губ Гуров. – Работаем напряженно, в тесном контакте с прокуратурой, планы и отчеты в кои веки наконец-то все оформлены как полагается. Нас хвалить надо, к награде представлять, а не в душ совать, как ты выражаешься!

– Что-то не припомню я, когда меня последний раз с утра хвалили, – наморщил лоб полковник Крячко. – Разве что в пионерском лагере, когда я на побудке раньше всех зубы почистил. Но это случилось давно и, кажется, не со мной даже...

– Ладно, гадать не будем, – махнул рукой Гуров. – Петр Николаевич сам нам все выскажет. Но поскольку рабочий день еще не начался, я позволю себе сделать один маленький звончок...

Он набрал номер и представился.

– Это Халязин? – спросил он затем. – Вот и отлично. Ты мне как раз и нужен. Ты если выкроишь минутку, прозондируй одного человечка. Это лично для меня, уважишь? Ну и чудненько! Записывай – Копылов Владислав Сергеевич. Да, тот самый. Сынок его. Учти, все должно быть конфиденциально в высшей степени! Мне нужно знать, что с этим парнем могло случиться в течение последнего месяца. Дело в том, что он пропал... Повторяю, все это только между нами! Так что наведи все возможные справки. Сводки проверь, с налоговой свяжись, с ГИБДД, с комитетом по имуществу. Парень фирму свою тут организовывал, но быстро прогорел – может, после нее долги серьезные остались... В общем, прозондируй все как следует и мне доложи о результатах. Лично. Ну и замечательно, действуй, Халязин!

Положив трубку, Гуров махнул рукой Крячко, и они быстрым военным шагом вышли из кабинета.

Генерал встретил их нетерпеливым, но вовсе не сердитым восклицанием и ткнул ладонью, призывая немедленно и без церемоний садиться.

– Убегаю сейчас! – буркнул он, обводя оперативников мрачным взглядом. – В министерство вызвали. Поэтому вот решил сделать вам накачку до ухода. Хорошо, что являетесь на службу с запасом. Может, нам ввести такой обычай как официальную меру? Скажем, старшие оперуполномоченные являются на полчаса раньше, простые опера – на час...

– Может, лучше вообще перевести всех на казарменное положение? – предложил Гуров. – Очень удобно.

– Ладно, шутки в сторону! – сказал генерал и заглянул в какую-то бумагу, которая лежала перед ним на столе. – Слушайте внимательно, что я вам скажу. Тут из Владивостока факс пришел на вашего Векселя. М-да... Вот таким образом...

Генерал замялся. Гуров превратился в слух. Афериста по кличке Вексель они с Крячко искали уже третью неделю. Преступник он был уникальный – в его характере удивительным образом сочетались русское «авось» и немецкая расчетливость. Он и по крови был наполовину русский, а наполовину немец. Настоящая фамилия его была Гессель. Вероятно, и кличку он получил по созвучию. Хотя и профессия тоже наверняка сыграла свою роль: он манипулировал

векселями, закладными, авизо и прочими финансовыми документами. Жертвами его становились как частные лица, так и целые организации. Действовал он всегда в одиночку, планами ни с кем не делился, и вычислить его было очень нелегко, тем более что он, как правило, чурался обычного уголовного общества. Поговаривали, что он несколько раз «кинул на бабки» очень авторитетных в криминальных кругах людей и те вынесли ему свое «частное определение». Обычно он гастролировал по крупным городам, безошибочно находил не слишком умных, но денежных людей, которых без труда можно было втянуть в какую-нибудь финансовую аферу, обещал им золотые горы, а потом, произведя безболезненный отъем денег, отбывал в неизвестном направлении. Жертва спохватывалась слишком поздно – ведь на руках у нее оставались банковские документы с водяными знаками и печатями. Мелочам Вексель всегда придавал огромное значение, и его фальшивки выглядели очень убедительно. Он вообще прекрасно был осведомлен обо всех секретах финансовых операций, разбирался в структуре любого бизнеса, а самое главное, он превосходно разбирался в людях. Он облапошивал их играючи и быстро. Нельзя сказать, что оборот его выражался такой уж астрономической величиной, но на красивую жизнь и фальшивые документы Векселю вполне хватало.

Периодически он наезжал и в столицу. Здесь ему было где разгуляться. Как ни странно, даже в наше суровое время находилось немало простаков, которые покупались на штучки Векселя. В последний раз на него поступило заявление от очень уважаемого гражданина, известного врача, который захотел с помощью неутомимого Векселя приумножить свои капиталы, но в результате потерял без малого семьдесят тысяч долларов, запаниковал и прибежал прямо к генералу Орлову, благо что знал его лично и даже несколько раз лечил его в своей клинике. Вот так дело Векселя попало к Гурову. Орлов просто не мог никому больше его доверить. Гуров и Крячко были ему близки почти так же, как и домашний доктор.

За ходом расследования Орлов наблюдал лично и вмешивался в него чаще, чем того требовали обстоятельства. Правда, положительных сдвигов в расследовании пока не наблюдалось. Вексель растаял на столичных просторах, новых сообщений о его художествах не поступало, и Гуров опасался, что он вообще мог за это время покинуть Москву.

Поэтому заявление генерала о том, что на Векселя пришел какой-то факс, сильно заинтересовало Гурова.

– Что-нибудь важное? – спросил он.

– Важное, – буркнул генерал. – Вот именно. Этот ваш Вексель... В общем, вот, ознакомьтесь и примите к сведению. До сих пор он у нас проходил кругом как мошенник, но в наш суровый век люди портятся удивительно быстро. Так что вам нужно мотать на ус – этот артист теперь еще и убийца. В прокуратуре тоже этот факс получили, но в непосредственный контакт с преступником приходится вступать все-таки вам, а не следователям, поэтому будьте начеку. Брать афериста и брать убийцу – две большие разницы, как говорят в Одессе... В общем, ознакомьтесь, а я все, бегу!

Орлов швырнул Гурову листок, а сам кряхтя выбрался из кресла и направился к выходу. Оперативники быстро вскочили и выбежали за ним следом в «предбанник».

– Машина уже ждет, Петр Николаевич! – почтительно объявил секретарь.

– Хорошо! – кивнул генерал и погрозил Гурову пальцем. – И вообще, пошустрее действуйте! Еще не хватало, чтобы он у нас в Москве что-нибудь подобное выкинул. Этого нам не простят.

С этими словами он вышел в коридор, а Гуров и Крячко тут же у стола секретаря принялись изучать пришедшую из Владивостока бумагу.

Из содержания факса выходило, что очередная афера, организованная Векселем на этот раз во Владивостоке, закончилась кровью. На этот раз Вексель изменил себе и втянул в аферу соучастников. Или они его втянули – большого значения это не имело. Судя по всему, Вексель рассчитывал особенно хорошо пожить. Афера планировалась как продолжительное и

объемное действо – нечто вроде знакомой уже финансовой пирамиды, в основе которой присутствовали некие сертификаты на дешевые японские автомобили. Что там у преступников не заладилось, следствие пока только разбиралось, но пирамида развалилась в самом начале из-за убийства одного из компаньонов. Во Владивостоке были убеждены, что убийство совершил не кто иной, как Вексель. Особый резонанс это убийство вызвало потому, что убитый являлся крупным городским чиновником, имеющим непосредственное отношение к городским финансам. То есть скандал назревал двойной, и беспокойство дальневосточных коллег можно было понять.

Вот только предложить им Гурову было нечего.

– Ну и что скажешь? – поднял он глаза на Крячко, который все еще читал факс, прилежно, шевеля, как школьник, губами. – Теперь мы имеем дело еще и с маньяком, который потрошит невинных чиновников, решивших подарить своим землякам народный автомобиль. Хорошенькое дело!

– Ага! Особо опасный преступник, – деловито сказал Крячко. – Руки по локоть в крови – как у дяди Сэма с карикатуры в газете «Правда». Я-то лично думаю, что поскольку дело было коллективное, то что-то там члены коллектива не поделили и ненароком грохнули слабое звено. А на кого валить? Вексель – самая подходящая кандидатура. На него до кучи и свалили. Он, естественно, срочно отбыл. Теперь вот скитается как вечный жид. А может, и убил... Всякие могли быть обстоятельства.

– Вот и я думаю, что могли быть всякие, – задумчиво сказал Гуров. – Жаль, скупо бумага составлена. Ни слова про обстоятельства убийства, про орудие убийства ни слова – это не бумага, а «караул!» какой-то... Хотите от нас какой-то отдачи – давайте полную информацию!

– Это ты мне говоришь? – поинтересовался Крячко. – Если меня когда-нибудь возьмут во Владивосток составлять факсы, то я именно так и буду делать.

– Ладно, пошли думать, что нам со всем этим делать! – вздохнул Гуров. – Здесь-то Вексель светиться больше категорически не желает. Эх, Стас, если на нем труп теперь висит, то он будет в десять раз осторожнее. Он теперь небось хвостом вильнул и дальше двинулся – куда-нибудь на Рижское взморье или в Сочи – передохнуть малость.

– Вряд ли, Лева, – возразил Крячко. – В Москве соблазн большой. Я думаю, он еще две-три ходки сделать должен, прежде чем отдыхать отправиться. Вот увидишь, не сегодня-завтра нам вводная придет на следующего лоха, которого Вексель развел. Он ведь помаленьку щипает...

– Где же помаленьку, когда во Владивостоке вон какую симфонию развел!

– И тут же погорел на этом! Засветился капитально! Потому что не за свое взялся. Теперь он ученый и больше на контакт ни с кем не пойдет. Нет, я уверен, что скоро он опять своим обычным манером действовать будет. А значит, никак не меньше трех эпизодов по Москве у нас будет.

– Ну-ну, твоими устами... – скептически покачал головой Гуров.

Они вошли в свой кабинет, и тут же зазвонил телефон на столе.

– Вот, пожалуйста! – торжествующе объявил Крячко. – Сейчас услышишь о новых художествах Векселя...

Гуров снял трубку и с большим удивлением узнал голос капитана Халязина.

– Я насчет Копылова, товарищ полковник, – сказал Халязин. – Как вы просили.

– Постой! – изумленно произнес Гуров. – Как насчет Копылова? Пять минут всего прошло. Ну, десять. Ты когда что успел?

– А я сразу в сегодняшние сводки заглянул, товарищ полковник, – серьезно сказал Халязин, – а там дорожное происшествие в районе Павелецкого вокзала. Там возле бара «Престиж» ночью ДТП произошло. Некая группа на автомобиле «Лада», номерной знак 998, на глазах у милицейского патруля врезалась там в столб. Жертв нет, двоим из группы удалось скрыться.

Третьего наши задержали. Он сейчас в СИЗО сидит, но предъявить ему нечего, и его, скорее всего, выпускать будут. Тем более что у него нога повреждена.

– Ты мне чего про ногу его рассказываешь? – недовольно спросил Гуров. – Это не моя грядка. Ты мне про Копылова вроде обещал.

– А я про Копылова, – подтвердил Халязин. – Наши сразу определили принадлежность автомобиля. Этот автомобиль принадлежит Копылову Владиславу Сергеевичу. Тому самому. Но тут такая странность, что связаться с владельцем не получилось до сих пор, и не совсем понятно, кто сидел за рулем. Вообще очень странная история, товарищ полковник!..

– Да, странная, – согласился Гуров. – Говори точно, где этот задержанный сидит, мы туда сейчас поедem. А ты справки все равно продолжай наводить. Под лежащий камень вода не течет.

Крячко без слов отправился за спешащим другом и уже в машине осведомился:

– Я понимаю, что у тебя жена актриса, и вообще ты вхож в этот сверкающий праздничный мир, который называется кинематограф, но все-таки объясни, на хрена тебе сдался этот Копылов? Тем более даже не старший, а младший, про которого даже я не знаю, хотя светские сплетни слушаю регулярно. Зачем, а?

– Тепло, – сказал Гуров. – Именно затем, что у меня жена актриса. Это как цепная реакция. Марии важно быть в дружбе с Копыловым-старшим, а у старшего проблемы – пропал младший. А тут как раз я подвернулся – был вчера на одной крутой тусовке... Улавливаешь теперь? Но то, что рассказал Халязин, на самом деле представляет огромный интерес. Потому что выглядит это все на редкость неожиданно. Бывают такие моменты, когда преступление будто бы само бежит тебе в руки. Сейчас у меня такое же ощущение.

– В таких случаях мне на память приходит народный фольклор, – заметил Крячко. – На фи́га ко́зе бая́н? Нам что, Лева, своих преступлений мало?

– Преступлений никогда мало не бывает, – назидательно заметил Гуров. – В том смысле, что чем больше мы их раскрываем, тем лучше. И нам лучше, и всему обществу в целом. Поэтому нужно использовать каждый шанс. Тем более что в случае успеха моей жене светит выгодный контракт.

– Не понимаю, почему это все должны прогибаться перед каким-то продюсером? – проворчал Крячко. – По-моему, это Копылов должен у Марии в ногах валяться, чтобы она согласилась сниматься в его дурацких фильмах. А она еще должна при этом капризничать и ставить трудновыполнимые условия.

– Ты сейчас нарисовал картину какого-то золотого века, – усмехнулся Гуров. – Далекого несбыточного будущего. В тебе просто Томас Мор пропадает, Кампанелла!.. Но я предпочитаю иметь дело с реальностью, пусть даже она будет суровой. И потом, мне просто интересно. Что-то тут определенно заваривается. Нечасто так бывает: только начнешь наводить о чем-то справки – и сразу все тебе как на блюдечке.

Здесь Гуров, конечно, немного преувеличивал. На блюдечке им никто ничего преподносить не собирался. Вот и в СИЗО их сразу честно предупредили, что задержанный вины за собой никакой не признает, на вопросы отвечать отказывается и документы у него все в порядке. Даже регистрация имеется.

– Он приезжий оказался, – пояснил начальник СИЗО. – Дознаватель с ним уже работал. Приехал из Омска недели две назад, говорит – по делам бизнеса. Подробностей не поясняет, но держится уверенно. Боюсь, придется все равно его отпускать. Не знаю, захочет ли он с вами разговаривать. Вряд ли. Он сейчас жалобу пишет на то, что ему медицинскую помощь не оказали. А что значит – не оказали? Мы ему врача предоставили. Но он требует госпитализации. А зачем госпитализация, когда он уже сам ходит?

– Вы давайте его в комнату для допросов, – распорядился Гуров. – А там уж мы сами разберемся, кто с кем и о чем будет разговаривать.

Через десять минут привели задержанного. Это был мускулистый коренастый мужчина с грубоватым лицом, на котором навеки застыло недоверчивое выражение. Одет он был в хороший, но как-то неловко сидящий на нем костюм стального цвета. На Гурова и Крячко он посмотрел без страха и даже без интереса – с одной нескрываемой досадой.

– Я думал, наконец в больницу отправят! – с отвращением сказал он. – Будьте уверены, с ногой что случится – я с вас компенсацию сдеру всю до копейки! Будете мне лечение оплачивать до самой смерти! – Он действительно припадал на одну ногу при ходьбе, но двигался довольно бодро.

– Ну да! – подхватил Крячко. – У нас такие в очередях стоят – у кого нога, у кого рука, у кого импотенция, понимаешь, развилась на фоне недоразумений с законом. И всех мы лечим, всем компенсацию выплачиваем, все они у нас буквально в золоте купаются... Так что не сомневайся, колченогий, тебя тоже золотым дождем осыплем.

– Не смешно, начальник! – с упреком сказал задержанный, под присмотром охранника усаживаясь на стул перед оперативниками. – Может, я в твоих глазах и не человек, но обращаться ты со мной должен по закону...

– Ладно, по закону я должен вам представиться. Полковник Гуров, старший оперуполномоченный по особо важным делам, – вмешался Гуров. – А вы нам скажите ваше имя, место жительства и род занятий.

– Власин Олег Никифорович, – ответил задержанный. – Я уже докладывал эту хрень три раза. Сколько можно? Власин. Живу в Омске. Бизнесмен. В Москве по делам. Документы в ажуре. Регистрация в порядке. Чего вам еще нужно?

– Нужно бы выяснить, как вы в машине гражданина Копылова оказались, – заявил Гуров. – Вы же ногу повредили, когда эта машина врезалась в столб около бара «Престиж», не так ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.